"...о...хорошо, мистер Полн". Я предложила свой тихий ответ и открылась так широко, как только могла, прежде чем высунуть язык. С этим я справилась лучше, чем с сосанием; я действительно продвинула язык дальше нижней части его головки и провела им из стороны в сторону, вызвав несколько довольных звуков из горла моего учителя истории. Он был явно доволен мной, настолько доволен, что взял свой смазанный слюной ствол и дважды провел им по моим щекам, каждый раз оставляя влажные полосы. Затем он надавил на мою голову, одновременно поднимая свой ствол, опуская его мешочек к моему рту и прямо под мой нос.

Я не ждала никаких указаний, так как к этому времени уже поняла свою роль во всем этом. Когда он предложил свой мешок, я высунула язык и провела им по его плоти, размышляя о вкусе яиц мужчины, о том, как они отличаются от ствола, который был так беспощаден в моем рту. Его рука на моей голове снова запустила пальцы в мои волосы, а когда он покачивал бедрами, его другая рука направила мою, заставляя меня снова обхватить его ствол. Вскоре он побудил меня к движению, и я стояла на коленях на полу в ванной, поглаживая член своего учителя и облизывая его яйца.

В будущем я часто буду оказываться в такой позе.

Я оставалась в таком положении еще некоторое время, хотя одна моя рука, опущенная вниз, продолжала теребить край юбки. Я все еще нервничала и не знала, что делать со своими руками, и в данный момент была благодарна ему за то, что он дал мне инструкции хотя бы для одной из них. К тому времени, как он схватил меня за волосы и оторвал от своего мешка, мое лицо было залито слюной. Она попала на мои щеки, губы и даже на мои очки, причем настолько, что одна из линз помутнела и стерлась. Зная, что мы еще не закончили, и с каждым мгновением узнавая все больше, я не стала ждать его указаний.

Мой рот открылся, и я продолжала держать его за ствол, медленно продвигаясь вперед, чтобы взять головку члена на язык. Я прижалась к ней и изо всех сил старалась привыкнуть к необычному вкусу, двигая головой вперед-назад, пытаясь имитировать то, что, по моим ощущениям, ему бы понравилось. Мой учитель был доволен этим некоторое время, и хотя он ничего не говорил мне напрямую, я слышала, как он довольно часто разговаривал сам с собой. О том, какую находку он нашел. О том, какая у него хорошая ученица.

О том, какой шлюхой я была под тихой, непритязательной поверхностью. Он говорил не со мной, а скорее обо мне... как будто я была собственностью или чем-то, предназначенным для использования и применения. По какой-то причине, которую я так и не смогла объяснить, эта мысль заставила меня взять его немного быстрее, и моя хватка за юбку усилилась, костяшки пальцев побелели от того, как я вцепилась в натянутую ткань.

Вскоре он запустил руку в мои волосы и начал двигать бедрами с новой силой. Я сначала удивилась, но в конце концов мои руки переместились на его таз, держась там, готовые оттолкнуть его, если он осмелится войти так глубоко, что я задохнусь. В то время я была напугана и боялась, что он сделает мне больно, но это одна из тех вещей, которые, оглядываясь назад, приобретают новую перспективу. С того дня в изоляторе мистер Полн трахал мой рот гораздо сильнее, гораздо грубее и гораздо свирепее. Я всегда была в порядке, и он ни разу не довел меня до точки, из которой я не могла вернуться. В тот день он был помягче со мной; он знал, что белобрысая школьница, предлагающая свой рот для его удовольствия, была напугана

и неуклюжа со своим предложением.

Когда он был готов к удару, он вытащил его из моего рта, оставив меня глотать слюну со вкусом члена и задыхаться. Его рука прижала мою к его стволу, и он начал поглаживать себя, используя руку своей ученицы. Я подняла на него глаза, мое лицо было пристыжено, щеки покраснели, бледные черты лица блестели от покрывавшей их грязи. Моя рука продолжала нажимать на его мокрый член, и я прикусила нижнюю губу от нервозности, имея лишь слабое представление о том, что должно произойти.

В первый раз, когда он кончил мне на лицо, я отвернулась от него, и он был вынужден брызнуть на одну из моих линз и стечь по щеке, когда я скорчила гримасу, похожую на лицо ребенка, поедающего грейпфрут. Вряд ли это был мой лучший момент, поскольку я полностью напряглась и даже не посмотрела, как мой учитель размазывает свой крем по моей коже. Он тяжело дышал, и кабинка ванной комнаты была наполнена запахом секса, но я не могла оценить ни одно из этих восхитительных чувств, которые однажды научусь обожать. Я была слишком напугана. Я была слишком новой.

"Хорошая работа, Ким". услышала я слова мистера Полн, и этого было достаточно, чтобы я осмелилась полуоткрыть один глаз, глядя на него с выражением стыда на лице. Мне даже не хотелось открывать рот, чтобы ответить, так как я чувствовала, как их пересекает линия густого белого крема. Я просто кивнула в ответ на его похвалу, а затем потянулась вниз и достала из кармана салфетку.

Я быстро протерла ею лицо, морщась от того, что это только размазало крем. По щекам, по губам, и, несмотря на все мои усилия, в тот день я впервые, невероятно ненадолго, почувствовал вкус спермы. Когда мое лицо очистилось, я снял очки и, прищурившись, посмотрел на своего учителя, когда начал вытирать их. Его уменьшающийся член уже возвращался в брюки, но он выглядел вполне довольным результатом.

"Ну вот, я сделал это", - выплюнул я слова, возможно, немного более враждебно, чем следовало. "Обещаешь, что не расскажешь моим родителям?"

"Обещаю, Ким". Мистер Полн улыбнулся и сложил руки за спиной. У него был взгляд, взгляд озорства, взгляд, который показался мне очень неприятным и в то же время... странно манящим. Его взгляд снова переместился на меня, и я обхватила себя руками за грудь, прикусив нижнюю губу, когда он снова заговорил.

"Хотя..." Его слова выскользнули, как змея, и я почувствовала замирание в животе. "Возможно, ты не усвоишь урок за один день".

Я сглотнула; и когда я это сделала, во рту появился вкус спермы мистера Полн. Я не знала этого тогда, но милая, умная любимица учителя собиралась стать...

...ну, любимицей учителя, но совсем другого рода.

http://tl.rulate.ru/book/2004/55457